

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

# ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЯ: АНТИЧНЫЙ МИР КАК ПРОЕКЦИЯ АКТУАЛЬНОГО

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент  
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин  
Московской духовной академии  
доцент Сретенской духовной академии  
доцент кафедры церковно-практических дисциплин  
Общecerковной аспирантуры и докторантуры  
им. Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия  
141300, Московская область, Сергиев Посад,  
Троице-Сергиева лавра, Академия  
azadornov@yandex.ru

**Для цитирования:** *Задорнов А. В., прот.* Политика и политика: античный мир как проекция актуального // Праксис. 2024. № 4 (17). С. 134–143. DOI: 10.31802/PRAXIS.2024.17.4.008

## Аннотация

УДК 340.12

Статья является отзывом на публикацию русского перевода важнейшего труда исследователя феномена античной политики и хозяйственного уклада Древней Греции и Рима Мозеса Финли (1912–1986). В рамках практической теологии поставленные Финли вопросы соотношения элиты и демоса в античности проецируются на сегодняшние взаимоотношения Церкви, государства и общества. Важной особенностью работ М. Финли является также прояснение им подлинного значения политических терминов и понятий, связанных как с жизнью античного, так и современного обществ.

**Ключевые слова:** практическая теология, философия права, афинская демократия, республиканизм, античная политика, М. Финли.

## **Politics and Politeia: the Ancient World as a Projection of the Actual**

### **Archpriest Alexander Zadornov**

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines

at the Moscow Theological Academy

Associate professor of the Sretensky Theological Academy

Assistant Professor of Church and Practical Studies Department

Saints Cyril and Methodius Church-wide Post-graduate and Post-graduate Studies

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

**For citation:** Zadornov Alexander, archpriest. "Politics and Politeia: the Ancient World as a Projection of the Actual" *Praxis*, № 4 (17), 2024, pp. 134–143 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2024.17.4.008

**Abstract.** The article is a response to the publication of the Russian translation of the most important work by Moses Finley (1912–1986), a researcher of the phenomenon of ancient politics and the economic system of ancient Greece and Rome. Within the framework of practical theology, the questions raised by Finley about the relationship between the elite and demos in antiquity are projected onto today's relationships between the Church, the state, and society. An important feature of M. Finley's work is also his clarification of the true meaning of political terms and concepts related to the life of both ancient and modern societies.

**Keywords:** Practical theology, philosophy of law, Athenian democracy, republicanism, ancient politics, M. Finley.

**В**ыбор автора для очередной монографии серии «Политическая теология» не совсем очевиден — Мозес Финли известен, прежде всего как античник, сумевший сменить «парадигму Ростовцева» в Англии, при этом сохранивший благосклонное отношение советской исторической науки, до конца своих дней при этом отказываясь подтвердить пребывание в коммунистической партии времён американского прошлого. «Политика в античном мире» — во всех смыслах итоговый текст исследователя, опубликованный в 1983 году, за три года до смерти.

Внук петербургского раввина, перешедший в Америке в активный марксизм и сменивший последний на образ респектабельного кембриджского профессора (член Британской академии и рыцарь с 1979 года), Финли не потерял интереса к экономической и политической составляющим объекта своего научного интереса. Его становление как учёного в своё время находилось под двойным влиянием — Института социальных наук М. Хоркхаймера и Г. Маркузе в 30-х годах и «понимающей социологии» М. Вебера позднее. Марксизм и интерес к природе античного полиса как к центру потребления уже в послевоенный период отразились в ряде классических монографий наподобие «Античной экономики» 1973 года.

Здесь Финли пытается применить «понимающий метод» социологии, пытаясь взглянуть на экономические отношения в античном мире не с точки зрения социологии «объясняющей» (с помощью современных теорий разной степени остроумия и достоверности). Основное значение в хозяйственных и экономических (ойкос) отношениях Финли отводит главе семейства — в ослабленном греческом и авторитарном римском значениях. Каждая семья, каждый ойкос порождает свою ойкумену с её особыми ценностями и традициями.

Собственно, и греческий полис, и сам Рим — место проживания таких земельных собственников, откуда они с помощью специальных институтов (ареопаг, комиции, сенат и т. д.) организуют правильную работу на этой земле. Вся история Рима в этом смысле — пульсация огромного пространства от малого латинского ойкоса до всей ойкумены Средиземноморья и далее. Именно так следует объяснять военную экспансию Рима — распространение этой модели бытия на весь видимый окружающий мир. Ценности ойкоса здесь стояли выше интересов торгашей, римские добродетели не терпели рядом никаких скучных «моделей экономических связей», «торговой конкуренции» и прочих изобретений модерна.

Интересно, что добродетель бережливости в эллинском и римском мире Финли иллюстрирует с помощью классической русской литературы. Предупреждая, что отрывок из русского романа XIX века — не доказательство, он находит известный параллелизм в хозяйственном поведении римского отца семейства и русского помещика, приводя следующую обширную цитату из «Обломова»: «На всякий предмет, который производился не дома, а приобретался покупкою, обломовцы были до крайности скупы. Они с радушием заколют отличную индейку или дюжину цыплят к приезду гостя, но лишней изюминки в кушанье не положат и побледнеют, как тот же гость самовольно вздумает сам налить себе в рюмку вина. Впрочем, такого разврата там почти не случилось. Вообще там денег тратить не любили, и как ни необходима была вещь, но деньги за нее выдавались всегда с великим соболезнованием, и то если издержка была незначительна... Но заплатить за что-нибудь, хоть самонужнейшее, вдруг двести, триста, пятьсот рублей казалось им чуть не самоубийством. Услыхав, что один из окрестных молодых помещиков ездил в Москву и заплатил там за дюжину рубашек триста рублей, двадцать пять рублей за сапоги и сорок рублей за жилет к свадьбе, старик Обломов перекрестился и сказал с выражением ужаса, скороговоркой, что «этакого молодца надо посадить в острог»».

Финли видит прямое сходство между римским сенатором, живущим и политически активным в столице, и мелким русским дворянством, закрывшимся в своих поместьях, только в одном аспекте — к тому и другому применим вывод Гончарова: «Вообще они глухи были к политико-экономическим истинам о необходимости быстрого и живого обращения капиталов, об усиленной производительности и мене продуктов»<sup>1</sup>.

Так есть ли связь между гибелью римского мира и его экономикой? Уроки юношеского марксизма заставляют Финли обратить внимание на роль римской экспансии и устройства управления на вновь приобретённых территориях. Уже к III столетию н. э. земельный налог стал самым крупным источником доходов во всей империи, а всё большая доля налогового бремени переходила от богатых слоев населения к более бедным, что сопровождалось снижением положения последних. При снижении темпа завоеваний и постепенной исчерпанности ресурсов колонизации новых территорий (примерно со времени парфянских походов Траяна) дополнительным гибельным фактором стала ответная волна варварских вторжений на территорию империи.

1 *Finley M. I. The Ancient Economy. Los Angeles, 1973. P. 110.*

Исчерпанность ресурсов сказалась на том, что легионы уже не могли быть укомплектованы без нарушения баланса с количеством производителей, которые и так находились в бедственном положении из-за увеличения налогов и общественных повинностей-литургий: «Древний мир поспешил к своему концу из-за своей социальной и политической структуры, глубоко укоренившейся и институционализированной системы ценностей, и, в основе всего этого, организации и эксплуатации производительных сил. При желании можно найти экономическое объяснение концу древнего мира»<sup>2</sup>. Кроме того, смена республиканского полисного управления принципатом с его неизбежной бюрократизацией в итоге привела к ослаблению римского государства и его гибели.

Высоко оценивающий научное наследие Финли современный российский историк И. Суриков отмечает, что религиозная система греческой демократии должна была соответствовать полисной системе ценностей. Это означает, в частности, совпадение религиозных и государственных структур в полисе, где любая общественная деятельность по определению рассматривалась как сакральная. Невозможность конфликта между «священством и царством» демонстрирует должность архонта-басилея: «Гражданин, сроком на год избиравшийся жребием на этот пост, становился одновременно одним из первых лиц в государстве и главным жрецом. Большой вопрос, можно ли вообще употреблять слово «светский» по отношению хоть к какой-нибудь сфере бытия греческого полиса»<sup>3</sup>. Этот важный вывод косвенным образом отмечает недостаток данной монографии.

Со ссылкой на рецензируемую работу Финли российские исследователи отмечают, что «та политическая система, которая существовала в античных демократических государствах, в том числе и в Афинах, лучше всего может быть определена с помощью термина «прямая демократия» (в отличие от господствующей сейчас «представительной демократии»). Суть этой системы состояла в полном суверенитете Народного собрания. Строго говоря, Народное собрание (Экклесия) было не политическим институтом, а совокупностью граждан, которым принадлежала вся полнота верховной законодательной, исполнительной и даже судебной власти»<sup>4</sup>. Другой исследователь отмечает, что греческая риторика во многом повинна в разочаровании в политической практике полиса: «Народное собрание, в свою очередь, было

2 Ibid. P.175–176.

3 Суриков И. Е. Солнце Эллады. История афинской демократии. М., 2023. С. 372.

4 Античная демократия в свидетельствах современников. М., 1996. С. 19.

подвержено метаниями и под воздействием различных ораторов часто меняло свои решения на противоположные. Все это вызывало растущую неудовлетворенность, которая, с одной стороны, порождала призывы вернуться к «умеренной демократии» времен Солона и Клисфена, а с другой стороны, активизировала творческую мысль философов, создававших проекты идеального государства»<sup>5</sup>.

Здесь уместно вспомнить 13-е правило Лаодикийского собора: *Да не будет позволяемо сборищу народа избирать должествующих произвестись во священство*. Как отмечает исследователь, в эллинском полисе отсутствовало понятие «толпы» в смысле «неорганизованного массового сборища отдельно от черни, т. е. низших слоев населения. В классической греческой литературе *ochlos* и *demos* почти неразличимы. Греческая демократия поистине была демократией толпы»<sup>6</sup>. Демократия как охлократия стала тем явлением, которое потребовалось преодолеть в римскую эпоху.

Структура работы М. Финли отражает движение авторской мысли от описания общих принципов античного государства и властных институтов (класс, авторитет, патронаж) к анализу конкретных форм политики, участия в ней народа и неизбежных конфликтов как следствия такого участия. Завершающая глава посвящена идеологии, взятой в качестве политической рефлексии.

В первой же главе Финли объявляет «формат» римского права социальным инструментом и отражением социального порядка, а значит — социального неравенства. Отсюда — критика автором тех исследователей, которые всерьез воспринимают официальные заявления римских источников о «действии в общих интересах». Также критикует Финли и представление о суверенитете как таксономии греческого полиса и римской республики — суверенитет, принадлежащий многим (демократия) или одному (олигархия, переходящая в диктатуру), не описывает всей реальности античной политики. В отсылке к суверенитету для Финли скрывается отказ от сути государственной власти — монополии на насилие (и вообще принуждение). При этом различие государства и правительства для Финли не имеет решающего значения, поэтому «отбор тех, кто правит, а также выбор способов правления, зависят от структуры конкретного исследуемого общества»<sup>7</sup>.

5 Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла. СПб., 2002. С. 445–446.

6 Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 174.

7 Финли М. Политика в античном мире. СПб., 2024. С. 63.

Марксистское прошлое заставляет Финли видеть в античном полисе только пару «богатый-бедный» при отрицании «среднего класса». Наличие этой пары даёт автору возможность утверждать схожесть социальной структуры полисов классической Греции и Рим с середины V века до Р. Х. и до конца республики через наличие общего тимократического принципа в системе управления.

Отдельные главы монографии посвящены таким кратологическим понятиям как *авторитет*, *патронаж*, *идеология* и собственно *политика*. При этом авторитет властного субъекта утверждается именно с помощью патронажа — прежде всего, в греческом понятии литургии как общественной службы. Имеет смысл привести развернутое определение такой службы автором: «Классическая греческая литургия, известная в некоторых полисах, но подробно исследованная только в Афинах, была официальным, институционализированным явлением, посредством которого определённые государственные обязанности предписывались на ротационной основе отдельным представителям богатого слоя населения, которые непосредственно отвечали как за издержки, так и за выполнение общественных задач, так сказать, в обход казны. Литургии были и принудительными, и почётными одновременно»<sup>8</sup>. Римский мир не принял классическую греческую литургию, предпочтя её религиозной стороне сферу общественных развлечений (устройство триумфов и гладиаторских боёв, например).

Монополизация политической деятельности слоём богатых граждан (и даже отдельными семьями) приводит Финли к мысли о специальном политическом образе жизни, предполагающем досуг, пожертвованный, например, для приобретения навыков красноречия (занятие политикой как жертва свободным гражданином своего драгоценного времени на пользу общества — частая тема сочинений Цицерона). Каждый эллин или римлянин выбирал, стоит ли приносить такую жертву, поскольку даже семья и клиентела обеспечивали лишь стартовые преимущества и постоянную поддержку, но всё остальное зависело от личных качеств политика (опять же — постоянная тема моралите биографических произведений Плутарха или Светония).

Единственной социальной сферой, которая не зависела от выбора самого человека — война. «В опыте современного человека — меланхолично замечает Финли, — ничего подобного нет. В древности же война была нормальной частью жизни... Требование, чтобы претенденты на политическое лидерство уже обладали воинскими отличиями

и, заняв руководящие посты, продолжали демонстрировать воинскую доблесть, было вполне серьёзным и понятным»<sup>9</sup>.

Что касается участия народа в политической жизни, то Финли не склонен его преувеличивать, справедливо отметив, что греческое народное собрание не изоморфно парламенту с его фиксированным членством. Следовательно, реальное общее собрание проводилось лишь по исключительно важным вопросам (чаще всего — объявление войны). В то же время в Риме сама элита сдерживала народное участие в политической жизни, создав при этом не существовавший у эллинов специальный политический институт жречества. «Все аспекты официальной религии — отмечает Финли, — были целиком встроены в правительственный аппарат: понтифики, авгуры и другие лица, имевшие право приносить жертвы, отправлять культ и толковать божественные знаки, также заседали в сенате, занимали магистратуры и избирались»<sup>10</sup>.

Тезис Финли о «прямой демократии» в Афинах и римском олигархате с равными юридическими, но не экономическими правами граждан приводит к вопросу о значении ограничения этих прав в ином отношении и в более позднюю эпоху. Этот вопрос ставился и русскими церковными историками. Так, согласно П. Гидулянову, вся полнота церковной власти принадлежала древнехристианской общине, в том числе судебная и правительственная власть. Лишь с III столетия (но в доникейскую эпоху) происходит передача этого функционала от общины к институту епископов. Многочисленность общины и её бюрократизация не способствовали продолжению практики выявления прямого согласия её членов на те или иные решения: «Общинное собрание отсюда теряет как в своей способности к актам, так и во влиянии на их решение. Община не могла помянутое право согласия осуществлять во всех случаях. Необходимо было представительство. Таковым явился пресвитер. Отсюда во всех важнейших случаях, в которых еще около половины III в. действующим являлось общинное собрание, вместо него выступает пресвитер, как совещательная коллегия епископа. Екклесия собирается редко. Ее компетенции принадлежат важнейшие акты общинной жизни и прежде всего избрание должностных лиц общины»<sup>11</sup>.

Со времени святого Константина Великого таким идеальным представителем христианской общины для всей ойкумены выступает

9 Там же. С. 181.

10 Там же. С. 231.

11 *Гидулянов П. В.* Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов. Ярославль, 1908. С. 59. (Из истории развития церковно-правительственной власти).

император. Именно он, по наблюдению ещё Г. Еллинека, имеет право непосредственно обязывать государство. И потому «в мировой римской империи впервые на западе государственная власть воплотилась в одном лице с такой силой и полнотой, что в позднейшие времена концентрация княжеской власти всегда совершалась под влиянием представления о власти римского императора»<sup>12</sup>.

С точки зрения Финли особенностью античной политики является её оценка гражданами не с точки зрения легитимности или её отсутствия, но через призму справедливости, орудием которой и должно служить государство. Легитимация правления через божественное право — удел христианской империи, но ни в греческом полисе, ни в римской республике справедливость как способность человеческого разума проводить этические различия, не заменялась никаким иным понятием. «Мне неизвестно — не без пафоса пишет историк, — ни одной попытки привлечь божественную санкцию для оправдания конкретной политической акции, режима, реформы или переворота. До триумфа христианства в греко-римском мире не было ни божественного права, ни теодицеи»<sup>13</sup>.

Здесь следует отметить следующее. Относительно римской идеологии эпохи принципата любивший сводить всё к точным гегелевским формулам А. Ф. Лосев отмечает выражение римского чувства жизни и красоты в виде аналога космического провиденциализма — в имперском величии. Самой яркой формой этого чувства является для великого русского античника «произвол, деспотизм и преступный аморализм большинства римских императоров»<sup>14</sup>. Именно в эстетике лежит внеличностный (и потому, по Лосеву, звериный) социальный характер римского идеала власти как чего-то, не допускающего никакой критики. И потому логичным представляется сопутствующая императорскому произволу единственная оригинальная метафизика, порождённая римской эпохой — неоплатонизм. Сочетание возвышенной философии с аморализмом римских принцев объясняется их общими корнями, тем чувством «космической универсальности единого миропорядка одновременно социального, вещественного и максимально естественного. Злоупотребление идеей унижает не самую идею, но её нарушителей и извратителей»<sup>15</sup>.

12 Там же. С. 79.

13 Финли М. Политика в античном мире. С. 310.

14 Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э. М., 1979. С. 89.

15 Там же.

Этот взгляд последнего классика русской религиозной философии (и недооцененного политического теолога) во многом превосходит выверенную на основании многих источников, но слишком социализированную позицию М. Финли. И это тот очередной случай, когда религиозно-философская интуиция важнее исторической рефлексии.

### Библиография

- Античная демократия в свидетельствах современников / подгот. изд. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М.: Ладомир, 1996.
- Гидулянов П. В. Восточные патриархи в период четырех первых вселенских соборов: Историко-юридическое исследование / П. В. Гидулянов, проф. Демидовского юридического лица. Ярославль: тип. Губ. правл., 1908. (Из истории развития церковно-правительственной власти).
- Карпюк С. Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003.
- Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э. М.: Изд. Моск. ун-та, 1979.
- Суриков И. Е. Солнце Эллады. История афинской демократии. М.: Вече, 2023.
- Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.) / вступ. ст., науч. и лит. ред. Э. Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002.
- Финли М. Политика в античном мире / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Владимир Даль, 2024.
- Finley M. I. The Ancient Economy. Los Angeles: University of California Press, 1973.